



О.Б. Бубенок

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ ХАЗАР

В современной историографии хазар сложилась довольно парадоксальная ситуация: написано очень много исследований, касающихся распространения иудаизма в хазарском обществе, и в то же время практически отсутствуют специальные работы, посвященные распространению среди этнических хазар других монотеистических религий – христианства и ислама. Обычно ориенталисты акцентировали внимание на веротерпимости хазар и на их взаимоотношениях с представителями христианской и мусульманской общин внутри Хазарского каганата. Что же касается распространения христианства и ислама в хазарской среде, то обычно эти факты приводились лишь в качестве аргументов религиозной толерантности хазар. Вопросы, касающиеся распространения христианства среди этнических хазар, для исследователей истории Восточной Европы, несомненно, представляют особый интерес. Тем не менее эта тема так и не стала предметом отдельного исследования, несмотря на то, что проблеме христианизации хазар было посвящено немало страниц в монографиях и статьях как византологов [Кулаковский 1898, 173–202; Васильевский 1915, *CLXII–CCLXIX*; Айбабин 1999, 206–207], так и хазароведов [Кримський, 357–411; Заходер 1962, 162–165; Артамонов 1962, 181–192, 252–261, 324–335; Новосельцев 1990, 146–149; Толстов 1946, 87–90]. Однако мы так и не имеем четкого представления о динамике и масштабах этого процесса. Мы не знаем также, когда и где хазары могли впервые познакомиться с этой религией, а также почему христианство уступило свои позиции иудаизму в хазарском обществе. Неизвестна также судьба хазар-христиан после падения Хазарского каганата. Как видим, данные вопросы требуют детального рассмотрения.

Исследователей уже давно интересовал вопрос: когда и где хазары могли впервые познакомиться с христианством? В связи с этим особого внимания заслуживает сообщение Феофилакта Симокатты, согласно которому в 592 г. во время войны персидского шаха Хосроя II в союзе с византийцами против мятежного Бахрама в руки первого попало много пленников, среди которых были “тюрки”. Феофилакт Симокатта описывает последствия этого следующим образом (V, 10, 13–15): “Многих из них, взяв в плен, привели связанными к Хосрову. Некоторых из них персидский царь отдал на суд мечей, других же отдал растоптать слонам. Узнав, что некоторые из взятых в плен принадлежат к племени тюрок, он, прославляя мощь ромеев, отправил их к императору Маврикию в качестве первых победных даров. На лбу у этих пленников был вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом. Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то по настоятельному совету некоторых из христиан они острием накололи на лбу мальчиков этот знак. Так как варвары не отвергли этого предложения, то те получили спасение от этого совета” [Феофилакт 1957, 130–131]. Комментируя данный пассаж, Ю.А. Кулаковский сделал следующий вывод: “Из этого сообщения нельзя заключить, что христианство было распространено среди хазар, но во всяком случае видно, что среди них жили христиане, которые делали попытки пропаганды своего учения” [Кулаковский 1898, 182–183]. Однако в данном фрагменте сочинения Феофилакта упомянуты не хазары, а тюрки. Поэтому пока нет оснований

связывать упомянутый сюжет с ранним знакомством с христианством со стороны хазар, которые в VI в. находились в Приморском Дагестане.

Тем не менее данная информация может иметь отношение к дагестанским гуннам, которых некоторые исследователи считают частью хазар. Как свидетельствует Хроника Захария Ритора (VI в.), около 515 г. к прикаспийским гуннам прибыл епископ — армянин Кардост с пятью священниками, которые, согласно Захарии, “многих окрестили”. Кроме того, армянские миссионеры создали писание на гуннском языке. В стране гуннов миссия Кардоста не только вела христианскую проповедь среди самих гуннов, но и обслуживала пленных христиан, которых у гуннов, по-видимому, было немало. Достоверность пребывания Кардоста в стране дагестанских гуннов подтверждается встречей Кардоста с византийским патриархом Провом на Боспоре в 522 г. и оказанием миссии Кардоста помощи, которая была направлена на 30 мулах в виде продовольствия и церковной утвари. Кардост пробыл у гуннов 14 лет и был сменен епископом Макаром, который “построил церковь из кирпичей” [Пигулевская 1941, 166–167].

Однако, судя по всему, христианство не закрепилось среди дагестанских гуннов, о чем может свидетельствовать то, что в их страну в 682 г. к гуннскому князю Алп-Илутверу в г. Варачан отправилась новая миссия во главе с албанским епископом Исраэлем. Об этом имеются подробные сведения в сочинении Мовсеса Калакантуаци “История страны Алуанк”. Мовсес сообщает, что Исраэл застал у гуннов лишь языческие традиции, которые вызвали резкое осуждение со стороны албанского епископа. Посольство Исраэла было встречено с большим почетом правителем гуннов Алп-Илутвером. Результатом этого стало принятие христианства Алп-Илутвером и его окружением. Мовсес это представил в традиционном для христианской литературы упоминании о знамениях и чудесах. В результате в стране гуннов были разрушены языческие капища, были срублены священные для язычников деревья и т.п. Как следует из сообщения Мовсеса Калакантуаци, в столице гуннов г. Варачан был утвержден найрапетский престол, т. е. местная церковь, во главе которой должен

был быть католикос, получала внутреннюю самостоятельность. В ответ на это Алп-Илутвер послал посольство не только к ишхану Албании, но и к католикосу и ишхану Армении. Послы правителя гуннов съездили в Армению, а по возвращении в Албанию попросили дать им католикосом Исраэла. В Албании Вараз-Трдат и каталикос Елиазар сначала воспротивились, но потом вняли просьбе самого Исраэла, который изъявил желание поехать к “хонам”. На этом рассказ Мовсеса Калакантуаци обрывается, и дальнейшая судьба григорианского (монофизитского) христианства среди дагестанских гуннов заставляет лишь делать предположения [Мовсес 1984]. А.Е. Крымский [Крымский, 358–365], Б.Н. Заходер [Заходер 1962, 162], А.П. Новосельцев [Новосельцев 1990, 80] и некоторые другие исследователи считали дагестанских гуннов частью хазар. Это дало им основание связывать с миссией Исраэла начало распространения христианства среди хазар. Однако М.И. Артамонов и А.В. Гадло видели, и не без оснований, в дагестанских гуннах лишь зависимый от хазар народ, во главе которого стоял вассальный хазарскому кагану правитель — эльтебер. Об этом, по их мнению, может свидетельствовать упоминание правителя гуннов — Алп-Илутвера, что являлось не личным именем, а титулом [Артамонов 1962, 181–192; Гадло 1979, 126–187].

Имеются основания считать, что после Исраэла монофизитское григорианское христианство могло сохраняться в Дагестане довольно длительное время. Следовательно, этнические хазары, которые являлись в Дагестане соседями гуннов, могли впервые познакомиться именно с армяно-григорианской версией христианства.

В связи с этим для нас особый интерес представляет Житие (“Мученичество”) святого Або Тбилисского, которое было написано в 786–790 гг. свидетелем его мученической кончины и близким его другом Иоанном Сабанисдзе по просьбе католикоса Картли Самуила VII (780–784). Житие свидетельствует о том, что, будучи арабом по происхождению, св. Або жил в Багдаде. В 775 г. правитель (эрисмтавар) Картли — Нерсе, проведенный в результате клеветнического доноса 3 года в багдадской тюрьме и оправданный только что взошедшим на

престол халифом ал-Мансуром, был отпущен на родину и взял с собой недавно поступившего к нему в услужение Або, бывшего в то время юношей 17–18 лет. В Тбилиси, столице Тбилисского эмирата, входившего в состав Арабского халифата, Або отверг в сердце мусульманскую веру. Однако, не имея возможности открыто объявить себя христианином из-за боязни соплеменников-арабов, юноша стал тайно вести аскетический образ жизни и постоянно искать случая принять крещение в безопасном месте. В 781 г. Нерсе, повторно подвергшийся доносу, вместе со свитой, в составе которой был и Або, бежал в Хазарию, где Або безбоязненно принял крещение. Принятие Або христианства именно в Хазарии было отнюдь не случайным, ибо, по словам автора Жития, в конце VIII в. ситуация сложилась следующим образом: “В те дни сарацинские владетели снова рассердились на правителя Нерсе и он бежал, ибо войско сарацин сильно его преследовало. Господь спас его от их рук. Он прошел ворота осетинские, известные под названием Дариалан. Когда он миновал это место, из войска его с ним было около трехсот человек, среди них был и блаженный раб Христа Або. Нерсе, оставив землю свою, прибыл в страну северную, где находились стоянка и лагерь сынов Магога – хазар, народа далекого, страшного по виду, звероподобного, кровоядца, который не имеет никакой религии, хотя и признает Бога-Творца. Когда Нерсе явился к царю хазар, последний радушно принял его, как иностранца, бежавшего от врагов своих, и дал ему и войску его пищу и одеяние. Когда Або увидел, что он вне опасности и насилия от сарацин, поспешил приблизиться ко Христу и от рук честных пресвитеров принял крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа, ибо, по милости духа святого, в северной этой стране много селений и городов, которые живут беспрепятственно в вере Христовой. С тех пор Або, исполненный благодати Христа, безбоязненно предался посту и молитве” [Иоанн Сабанисдзе].

Вполне вероятно, что упомянутые в Житии селения и города находились в основном в Дагестане, в то время как сами хазары еще находились в состоянии выбора веры. Это предположение подтверждает ал-Муккадаси (X в.), который

сообщал, что в прежней хазарской столице Самандаре, которая находилась в Дагестане, преобладали христиане [ал-Мукаддаси 1908, 5; Заходер 1962, 162]. Таким образом, имеются определенные основания считать, что эти христиане в Дагестане принадлежали к григорианской (монофизитской), а не византийской (ортодоксальной) церкви.

В качестве доказательства этого можно привести археологические свидетельства, полученные М.Г. Магомедовым при раскопках Верхнечирюртовского городища в Дагестане, которое автор раскопок отождествлял с древней столицей хазар – г. Беленджер [Магомедов 1983, 51]. Результаты археологических исследований на Верхнечирюртовском городище позволили М.Г. Магомедову выделить там остатки двух христианских церквей. На основании этого исследователь сделал следующее заключение: “...ближайшие аналогии свидетельствуют, что в христианских древностях Албании и Армении представлены прототипы верхнечирюртовских церквей, являющихся по форме и конструкции упрощенными вариантами армянских и албанских церквей. Поэтому вполне закономерно, что в них воплотились сложившиеся каноны церковного строительства Закавказья” [Магомедов 1983, 158–169]. Однако ситуация с крещением Або именно в Хазарии и последующее возвращение его в православную Грузию может свидетельствовать о нахождении среди христиан Хазарии в VIII в. и православных христиан.

Нам известно об усилиях Византии по распространению халкедонской версии христианства среди народов Хазарского каганата. Об этом могут свидетельствовать результаты матримониальных связей между правящими кругами Хазарии и Византии. Уже давно стали хрестоматийными следующие сюжеты. Так, Феофан Исповедник сообщает, что в начале VIII в. женой византийского императора Юстиниана II стала родная сестра хазарского кагана, которая по традиции крестилась и приняла имя Феодора [Чичуров 1980, 62–63]. Феофан также свидетельствует о том, что в 732 г. византийский император Лев III женил своего сына, будущего императора, Константина V на дочери хазарского кагана Чичак (Цветок), которая при крещении получила имя Ирина. В 750 г. от этого брака родился сын – будущий византийский

император Лев IV [Чичуров 1980, 68]. Однако такие браки свидетельствуют лишь о наличии хазаро-византийских династических связей и не несут никакой информации о распространении византийского христианства среди хазар в их стране.

Поэтому особый интерес может представлять информация списка нотиций Константинопольского патриархата, опубликованного в 1891 г. де Боором. Согласно списку, во второй половине VIII в. была создана Доросская (Готская) митрополия, в которую вошло семь новых епископий: Хотцирская, Астильская, Хвалисская, Оногурская, Ретегская, Гуннская, Таматархская. В конце этого документа дано примечание, содержание которого исследователи переводят следующим образом: “37 епархия Готия, епископ хотциров находился близ Фул и Харасиу, что значит Черная вода. Епископ Астиля, называется Астиль река Хазарин, есть и крепость” [De-Boor 1891, 520–534; Айбабин 1999, 207].

Данный пассаж сразу же заинтересовал исследователей, и уже в 1898 г. Ю.А. Кулаковский ему посвятил отдельное исследование – “К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке” [Кулаковский 1898, 173–202]. Исследователь отождествил Таматархскую епархию с территорией Таманского полуострова, Оногурскую – с территорией прикубанских болгар. Что же касается локализации Гуннской и Ретегской епархий, то Ю.А. Кулаковский не смог дать точное определение места их нахождения. Однако относительно определения территории, которая контролировалась епископом Астиля, выводы ученого не вызывают возражений среди современных исследователей: “...оно изъяснено в смысле города в пояснительном замечании... Столица хазарской державы не названа по имени, сколько мы знаем, ни у одного из византийских писателей; но у писателей арабских неоднократно засвидетельствовано, что она носила то же самое имя, что и река, на которой она расположена. Река Волга называется у византийцев *Ἀττίλα*... Сведения о существовании епископа в хазарской столице является совершенно новым и единственным” [Кулаковский 1898, 181–182].

Не меньший интерес вызывают предположения Ю.А. Кулаковского о Хотцирской епархии. Так, происхождение названия на-

рода “хотциры” ученый связал с акацирами V в. и отождествил их с хазарами [Кулаковский 1898, 191–192]. На основании же примечания из списка нотиций – “епископ хотциров находился близ Фул и Харасиу, что значит Черная вода” – Ю.А. Кулаковский сделал следующий вывод: “В вышестоящем имени *Χαράσιου* можно признать крымскую речку *Карасу*. На реке этого имени лежит город, процветавший в татарский период крымской истории, Карасубазар. В тексте примечания, кроме Карасу, назван также и город Фуллы, хазарская крепость времен еп. Иоанна Готского и центр самостоятельной епархии в более позднее время. Указание на близость Карасу и Фулл позволяет подойти к решению вопроса о местонахождении этого города, которое доселе являлось предметом ученых гаданий. Выделяя этот вопрос в особый экскурс, мы ограничимся здесь положением, что племя, имя которого передано в нашем памятнике в форме *Χόττιροι*, обитало в восточной части Крыма, к северо-востоку от Крымских гор” [Кулаковский 1898, 190–191]. Подводя итог, Ю.А. Кулаковский сделал не вызывающее возражений предположение: “Епископ *ὁ Χόττιρος* назван на первом месте, что, вероятно, не случайно, как не случайно и то, что за ним следует *ὁ Ἀστίρος*, между тем как более близкие к митрополии кафедры *ὁ Οὐνυωρων* и *ὁ Τομάταχα* поставлены дальше. Очевидно, мы имеем здесь порядок рангов, и хазарская кафедра, как и кафедра столицы хазарского царства, поставлены впереди в общем перечислении епископских престолов” [Кулаковский 1898, 192–193].

В дальнейшем доводы Ю.А. Кулаковского оказались убедительными для многих исследователей. Кроме того, ученые попытались дать точную локализацию Хвалисской, Гуннской и Ретегской епархий. Так, С.П. Толстов сумел аргументированно показать, что Хвалисскую епархию следует связывать с территорией Хорезма [Толстов 1946, 92]. Особого внимания заслуживает также мнение А.А. Васильева, согласно которому Ретег – это название города Тарку в Дагестане, который идентифицируется с хазарским Семендером [Васильев 1927, 214]. В то же время не вызывает возражений мнение М.И. Артамонова, что Гуннская епархия должна была находиться в стране дагестанских гуннов,

“принявших христианство еще в VII в. и имевших свою Гуннскую епархию” [Артамонов 1962, 259].

Следует напомнить, что после 682 г., т.е. после миссии албанского епископа Исразла в Дагестан, в столице гуннов г. Варахан был утвержден найрапетский престол, т.е. местная церковь, во главе которой стал сам Исразл [Мовсэс 1984]. Однако, как видим, византийская церковь предприняла попытку переподчинить своему влиянию монофизитов-христиан страны гуннов. К тому же не случайно в списке нотиций рядом с Гуннской епархией упомянута и Ретегская, которая могла находиться рядом в Дагестане. Похоже, что с этим событием может быть связано то, что около 781 г. Або, по данным его Жития, в Хазарии безбоязненно принял крещение и после этого отправился в православные страны – Абхазию и Грузию [Иоанн Сабанисдзе]. В документах той эпохи, кроме списка нотиций, нет ни единого намека на то, что в столице хазар Итиле начало распространяться христианство. Стало быть, в Дагестане в конце VIII в. старания православных миссионеров из Византии могли быть не напрасными. Такую активность Константинопольского патриарха можно объяснить тем, что Армения была включена в состав Арабского халифата и поэтому влияние Армянского католикоса на своих единоверцев в Албании и Дагестане должно было стать менее значительным. Этим и пытались воспользоваться халкедонцы. Похоже, что временный успех мог сопутствовать византийским миссионерам и в Крыму.

По этому поводу А.Е. Крымский отметил: “Зібравши разом усе, що давно в цьому спискові епархій VIII в., ми для VIII-го та для VIII–IX в. здобуваємо доволі імпульсивну картину неабиякого гієрархічного розповсюдження християнської віри по цілій хазарській землі. До того ж деякі інші звістки з VIII–IX в. іще раз стверджують давніш відомий факт, що в склад пастви тих сімох єпископій увіходили не тільки чужі народи, хазарам лиш піддані, ба й найширші расові хазари, і то з родовитих вельмож – князів, тарханів” [Кримський, 376–377].

В качестве доказательства этого можно привести фрагмент из Жития Стефана Сурожского конца VIII в., откуда мы узнаем, что в Сугдее (Суроже) правил тогда тархан

Георгий (в славянской обработке Юрий): “В то же бе время князь Юрий тархан. И любя его святой закону Божию правяще власть свою всегда приходя к святому Стефану. Послушаше его. Како веляше ему тако творише. Святой же велми оучаше его на путь спасенный...” (“В то же самое время был князь Юрий тархан. Любил его святой, потому что он исполнял свою власть по закону Божьему. Он же приходил к святому. Слушал его поучения. Что велел святой, то он и делал...” [Житие Стефана Сурожского 1915, 95; Могарычев и др. 2009, 51]. В данной ситуации интересно упоминание Юрия-тархана. В.Г. Васильевский данный пассаж прокомментировал следующим образом: “Здесь обращает на себя внимание знаменательное выражение тархан; в нем заключается явный намек на подчинение Сурожа хазарской власти, то есть на такой исторический факт, который мы должны предполагать на основании других достоверных источников, а между тем не обративший на себя внимание со стороны русского сказателя. Слово *тархан* общее всем тюркским языкам... Если в нашем наместнике хазарский наместник или правитель в Крыму носит христианское имя, то и в этом нет ничего удивительного при известных вероисповедных отношениях в хазарской державе...” [Васильевский 1915, CCLXVII–XCLXVIII].

Кроме того, исследователи обратили внимание на то, в Феодосии-Кафе было найдено и сдано в музей “надгробие бесспорного хазарина, не из простых”, который умер в 819 г. и был назван в эпитафии: “Раб божий Тагман” [Васильевский 1915, CLXII]. На основании этого В.Г. Васильевский сделал вывод, согласно которому “Хазары относились с терпимостью или равнодушием ко всяким исповеданиям, а также и к христианству, даже не мешали распространению последнего между собственными поданными” [Васильевский 1915, CLXII].

В этой связи обратим внимание еще на один пассаж из Жития Иоанна Готского, где описаны события второй половины VIII в.: “Когда преподобный сидел под стражею в Фуллах, то господин этих самых Фулл пришел к нему и поверг к ногам отроча свое, покрытое ранами от головы до ног, так что не видно было на нем образа человеческого. Но когда (святой) назна-

меновал его и окрестил и принял на свои руки, то отрок тотчас очистился” [Житие Иоанна Готского 1912, 399; Могарычев и др. 2007, 14]. В.Г. Васильевский прокомментировал данный пассаж следующим образом: “Отсюда мы можем вывести такие заключения: 1) Фуллы в данное время находились во власти хазарского хагана, и что 2) однако здесь оставался свой особый местный владетель, или династ, христианского исповедания, подчиненный, разумеется, хазарскому владычеству” [Васильевский 1912, 424]. Имел ли данный правитель хазарское происхождение, остается только гадать.

Естественно, что во второй половине VIII в. большие надежды византийские миссионеры возлагали на христианизацию самих хазар, ибо за несколько десятилетий до этого закончились арабо-хазарские войны, так и не приведшие к исламизации хазарской верхушки. Однако нотии IX в. уже отмечают в Крыму лишь Херсонскую и Боспорскую архиепископии и полностью умалчивают о епархиях Готской митрополии, как и о самой епархии готов [Артамонов 1962, 257–261]. Следовательно, в первой половине IX в. усилия византийских миссионеров по распространению христианства среди населения Хазарского каганата не увенчались успехом. Это подтверждают и данные Жития Константина Философа.

Так, текст Жития Константина дает следующую картину в начале 60-х гг. IX в. Около 860 г. при византийском императоре Михаиле III произошло следующее событие: «В это время к греческому царю пришли послы от хазар, которые сказали: “Мы очень давно знаем одного Бога, который над всеми, и ему поклоняемся на восток, но храним и некоторые наши постыдные обычаи. Евреи принуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины, которые предлагают нам мир и много даров, тянут нас к своей вере, говоря: «Наша вера лучше веры всех других народов». Поэтому по старой дружбе мы посылаем послов к вам, потому что вы великий народ и владеете царством от Бога, и ищем от вас совет и просим послать нам ученого мужа, и если он преодолит евреев и сарацинов, мы примем вашу веру”» [Житие Константина]. Уже само указание на веру в единого Бога и упоминание

“старой дружбы” содержат намек на то, что верхушка хазар уже тогда была хорошо осведомлена о христианском вероучении, и, вероятнее всего, в византийской версии.

По совету патриарха Фотия, между прочим прозванного “Хазарской Рожей”, Михаил III послал в Хазарию миссионерскую миссию, во главе которой и стоял Константин. Константин прибыл в Крым и на довольно длительное время задержался в Херсоне [Артамонов 1962, 301]. Судя по данным Жития Константина, в Крыму в то время хазары и вовсе не исповедовали христианство: “[В то время] хазарский воевода вышел с войском, окружил один христианский город и осадил его. Узнав об этом, Философ не колеблясь отправился к нему, побеседовал с ним и, наговорив поучительных слов, укротил его. Он обещал принять крещение и уйти, не причинив никакого вреда этим людям” [Житие Константина].

На обратном пути из столицы хазар в Константинополь Константин Философ снова посетил Крым и принялся восстанавливать утраченные позиции христианства на полуострове. Одно упоминание о фульском дубе, который срубил Константин, позволяет говорить о возвращении жителей Фулл от христианства к язычеству в не очень давнее время: «В фульском же племени был один большой дуб, срощившийся с черешней, под которым совершались обряды. Люди звали его “Александром” и не позволяли женщинам подходить к нему и к обрядам. Услышав об этом, Философ не мешкая пошел к ним и, встав перед ними, сказал: “Эллины [т.е. язычники] отошли в вечную муку, ибо поклонялись небу и земле – таким великим и добрым творениям; а вы, которые поклоняетесь такой ничтожной вещи, как это дерево, которое предназначено для огня, как избавитесь от вечно-го огня?” Они ответили: “Мы не делаем это с недавних пор, а переняли это от наших отцов...”» [Житие Константина]. В данной ситуации уместно вспомнить христианского правителя Фулл из текста Жития Иоанна Готского [Житие Иоанна Готского 1912, 399; Могарычев и др. 2007, 14], который в конце VIII в. подчинялся хазарской власти [Васильевский 1912, 424]. Однако так и не известно, имел ли данный правитель, как и жители Фулл, хазарское происхождение.

Не меньший интерес представляет так-

же информация о пребывании Константина при дворе хазарского кагана. По данным Жития, “Сев на корабль, [Константин] отправился на хазарскую землю между Меотийским озером и Каспийскими воротами Кавказских гор” [Житие Константина]. В этой информации содержится указание на то, что Константин направился из Азовского моря в Каспийское именно благодаря сухопутному волоку, который соединял Дон и Волгу. Это находит отголосок в информации мусульманских географов. Так, в своих сочинениях ученые Халифата обычно отмечали, что Черное и Азовское моря были соединены проливом с Каспийским морем и таким образом представляли собой одно целое. К числу таких сочинений следует отнести трактат ал-Мас‘уди “Мурудж аз-Захаб”, где данная ситуация довольно подробно описана [Минорский 1963, 192–198]. Обратный путь Константина из ставки кагана в Крым пролегал, по мнению исследователей, через высохшие степи Северного Кавказа (т.е. в летний период): “Когда достигли безводных и сухих мест, не могли уже переносить жажду. Нашли воду в одном болоте, но не могли пить ее, так как она была [горькой] как желчь...” [Житие Константина]. Относительно места проповеди Константина имеет смысл обратить внимание на предположение М.И. Артамонова, согласно которому “Константин по Каспийскому морю отправился в Дагестан к Каспийским воротам, под которыми в данном случае надо подразумевать Дербент, а не Дарьяльский проход, где и встретился с каганом” [Артамонов 1962, 332].

Однако почему же тогда Константин не повстречал местных христиан? Ведь данные источников VII–VIII вв. и X в. традиционно отмечали именно в Дагестане сильную христианскую общину. Согласно Житию, Константин, наоборот, только начал обращать в христианскую веру язычников из числа хазар: «Тогда около двухсот человек приняли крещение, отказавшись от языческих мерзостей и беззаконных браков. А каган написал царю такое письмо: “Ты, государь, послал нам такого человека, который объяснил нам словом и на примерах, что христианская вера святая. Убедившись, что она истинная вера, мы распорядились всем принять крещение

добровольно, надеясь, что и мы сделаем то же. Все мы приятели твоего царства и готовы служить тебе, где ты захочешь”» [Житие Константина]. Стало быть, Константин был в Итиле.

Академик А.Е. Крымский довольно оптимистично высказался относительно результатов миссии Константина Философа: «Найважливішим придбанням для христової віри був сам хакан хазарський. Він, це вже не з “Житія”, а з джерел арабських видко, не на вітер писав імператорові свої слова про охрещення – що й він сподівається “доспїти того жде”. Справді бо, хазарського хакана з його близькими людьми, інакше сказати – імениту тюркську династію Хазарщини, араби мали за християн біль-менш до 880-их рр. або ще й трохи пізніш. Можна, правда, арабську звістку критично в дечому обмежити, можна б підозрівати пересаду або непорозуміння. Можна б, приміром, здогадуватися, що формально, в купілі, хакан не охрестивсь, а лише велика тая пошана, яку вчинив він офіційно закликаному християнському місіонерові Костянтинові Філософові в 861 р., могла бути витолкована в тодішньому мусульманському світі як формальний перехід самого хакана на християнську релігію. Та навіть отак-о обмеживши арабське свідчення, маємо все ж факт, що для арабів хазарський династ 2-ої половини IX в. здавався за чистого християнина / Про воеводу-бега вони цього не кажуть» [Кримський, 402–403]. Тем не менше із сообщений мусульманських авторів ми знаємо, що в першій половині X в. хазарський каган исповідував іудаїзм.

Ситуация с отсутствием христиан среди хазар и ликвидацией Готской митрополии накануне миссии Константина позволила М.И. Артамонову сделать следующий вывод: “Ликвидацию столь недолго просуществовавшей Готской митрополии, посредством которой Византия надеялась укрепить христианство в Хазарии перед лицом возрастающего значения иудейской религии и оказывать влияние на внутренние хазарские дела, необходимо связывать с переходом Готии под власть Византии, о чем свидетельствует появляющееся к 842–856 гг. в титуле стратига Херсонской фемы упоминание Климатов, означающее, что Крымская Готия входила в состав этого военно-административного подразде-

ления Византийской империи. Естественно заключить, что оба факта – переход Готии под власть Византии и ликвидация Готской митрополии, объединяющей хазарских христиан, – тесно связаны между собой, а также что оба они имеют прямое отношение к реформе Обадия – к возведению иудейства, которое до сих пор было только одной из религий в Хазарии, существовавшей наряду с христианством и исламом, в государственную религию хазар” [Артамонов 1962, 325–327]. Однако данная гипотеза имеет одну проблему: пока еще не доказано, что именно в начале IX в. хазары стали иудеями.

На сегодня известно несколько гипотез по этому поводу. Так, более 50 лет тому назад Д.М. Данлоп, руководствуясь данными Иегуды Галеви, предложил это событие датировать приблизительно 740 г. [Dunlop 1954, 170]. Однако большинство ориенталистов современности относят принятие иудаизма хазарами к рубежу VIII–IX вв. [Артамонов 1962; Заходер 1962; Новосельцев 1990; Pritsak 1978]. Прежде всего, они руководствуются следующим сообщением ал-Мас’уди: “Царь [хазарский. – О.Б.] принял иудейство во времена правления халифа Харуна ар-Рашида” [Минорский 1962, 193]. Как известно, этот багдадский халиф был у власти с 786-го по 809 г. В то же время Г. Вернадский, А.Е. Крымский и К. Цукерман, руководствуясь данными христианских текстов, среди которых было “Паннонское Житие Константина Философа”, пришли к выводу, что это произошло лишь около 865 г. [Vernadsky 1941, 72–86; Крымский, 404–415; Цукерман 2002, 521–534]. Тем не менее можно вполне согласиться с тем выводом М.И. Артамонова, что распространению христианства среди хазар в первой половине IX в. могла помешать в первую очередь нестабильная внутривосточная обстановка в Хазарском каганате, что выразилось в так называемом восстании “кабаров”, а также на это могла повлиять экспансия венгров в причерноморских степях [Артамонов 1962, 328–329].

Однако на сегодня совершенно неприемлемо следующее утверждение М.И. Артамонова: “...с утверждением в Хазарии иудейства положение хазарских христиан оказалось очень трудным. Их церковная организация была ликвидирована; воз-

можно, практиковались и другие формы притеснения” [Артамонов 1962, 333]. В действительности же факты свидетельствуют об обратном.

Как сообщает Житие Константина Философа (гл. XVI), после миссий Константина к хазарам и славянам в Венеции итальянское духовенство заявило ему, что перевести Святое Письмо можно только на три языка – еврейский, греческий и латинский, на что Константин ответил: “Мы же знаем многие народы, которые имеют книги и воздают славу Господу каждый на своем языке. Известно, что таковы армяне, персы, абазги, иверы, согдийцы, готы, авары, тирсы, арабы, хазары, египтяне, сирийцы и многие другие” [Житие Константина]. Как метко подметил А.Е. Крымский, «хазарів він тут назвав, і не міг не назвати, бо, сам побувавши в хазарській державі, Костянтин повинен був здобути як найточніші дані і про християнсько-хазарське святе письмо, і про християнсько-хазарську церковну одправу “своимь языкомь”» [Крымский, 362–363].

О дальнейшем распространении христианства среди части хазар в самой Хазарии, под которой следует подразумевать, прежде всего, Нижнюю Волгу с Итилем и Приморский Дагестан, свидетельствуют некоторые мусульманские авторы. Так, в первой половине X в. ал-Истахри сообщал, что “хазары – мусульмане, христиане и идолопоклонники, наименьший раздел их – иудеи, а наибольший – мусульмане и христиане, только вот царь и приближенные его – иудеи”. Эту же информацию, но с искажениями, повторяет ал-Бакри и другие мусульманские авторы [Заходер 1962, 164–165]. О большом количестве христиан в самом Итиле сообщал ал-Мас’уди и другие мусульманские авторы. Так, ал-Мас’уди, повествуя о нашествии русов на побережье Каспийского моря после 300 г.х. (912 г.), отметил, что на обратном пути русов напало объединенное войско мусульман и христиан Хазарии в нижнем течении Волги: “Мусульмане собрали войско и спустились вниз по реке, ища встречи с ними. Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда. Мусульман было 15 тыс. на конях и в [полном] снаряжении; с ними были и некоторые из христиан, живущих в городе Атиль” [Минорский 1962, 200]. Трудно сказать, много ли было сре-

ди упомянутых итильских христиан собственнно хазар.

О количественном соотношении представителей различных конфессий в Итиле могут дать наглядное представление данные некоторых мусульманских авторов. Так, о ситуации в первой половине X в. упомянутый ал-Мас'уди сообщал: "В хазарской столице [Итиле. – О.Б.] по правилу семь судей (кади); два из них для мусульман; два – для хазар, которые судят в соответствии с Торой; два – для христиан, которые судят в соответствии с Евангелием, и один для саклабов, русов и других язычников, которые судят согласно языческому [обычаю], т.е. по велениям разума" [Минорский 1963, 194]. Исходя из этих данных, можно полагать, что хазары в Итиле составляли большинство лишь в местной иудейской общине (иначе у ал-Мас'уди относительно судей было бы отмечено: "два – для хазар и евреев"), а в мусульманской и христианской общинах Итиля хазары представляли меньшинство и поэтому не были отдельно упомянуты в сочинении ал-Мас'уди.

Сообщение же ал-Истахри, согласно которому "хазары – мусульмане, христиане и идолопоклонники, наименьший раздел их – иудеи, а наибольший – мусульмане и христиане" [Заходер 1962, 164–165], позволяет говорить о религиозной ситуации среди всего хазарского населения каганата. Из этого сообщения получается, что если объединить хазар-мусульман с хазарами-христианами, то их будет больше, чем хазар-иудеев.

Таким образом, данные мусульманских источников позволяют считать, что не все представители хазарского этноса придерживались иудаизма, – среди самих хазар были и мусульмане, и христиане, и язычники. Такая ситуация даже породила в средневековой историографии анекдот, содержащийся в сочинениях Ибн Русте и Гардизи. Согласно данным Ибн Русте, правитель дагестанской области Сарир по пятницам ходил в мечеть, по субботам – в синагогу, а по воскресеньям – в церковь. Гардизи в своем сочинении повторяет этот рассказ, но отмечает, что данной традиции продолжал придерживаться не местный князь, а жители области Сарир [Заходер 1962, 166]. В данном сообщении виден намек на то, что в Сарире мирно сосуще-

ствовали как иудейская, так и христианская и мусульманская общины, пропорциональное соотношение которых могло быть приблизительно равным. Однако не ясно, были ли среди упомянутых христиан Сарира этнические хазары? В связи с этим имеет смысл обратить внимание на замечание А.В. Гадло, согласно которому Сарир представлял собой не часть собственно Хазарии, а зависимую от хазар территорию Северо-Восточного Кавказа, во главе которой стоял свой царь [Гадло 1979, 180, 183]. Стало быть, население Сарира нельзя отождествлять с хазарами. В связи с этим также не понятно, к какой церкви принадлежали христиане Сарира.

Что же касается христиан Итиля, среди которых были этнические хазары, то имеются довольно веские основания отнести их к византийским (ортодоксальным) христианам. Ведь именно упоминания о христианах в Итиле появились лишь после хазарской миссии Константина. Текст Жития Константина Философа свидетельствует о том, какими маршрутами могли византийцы добираться до хазарской столицы – г. Итиля: водным, благодаря существованию переволоки между Доном и Волгой; сухопутным – через степи Северного Кавказа. Вероятнее всего, в столицу Хазарии из Византии попадали, прежде всего, византийские купцы.

Следовательно, вовлеченные в их торговые операции хазары предпочли иудаизму переход в христианство. Этому не было препятствий со стороны иудаизированной верхушки хазар по нескольким причинам. Во-первых, присутствие хазар среди купцов-христиан, как и среди мусульманских торговцев, давало хазарскому правительству возможность более удачно контролировать торговлю и, соответственно, иметь стабильный источник дохода за счет пошлин. Во-вторых, поликонфессиональность и связанная с ней веротерпимость хазар являлись неотъемлемой чертой кочевого общества, которая продолжала сохраняться и при условиях городской жизни (для сравнения можно вспомнить веротерпимость монголов). В связи с тем, что в Итиле была отмечена христианская община, важно было бы знать, к какой епархии подчинялись итильские христиане. Как уже было отмечено, уже в IX в. Астильская епархия, которая входила в состав Дорос-

ской (Готской) митрополии, была ликвидирована. Таким образом, данный вопрос остается открытым.

Однако в первой половине X в. с распространением христианства среди этнических хазар сложилась довольно парадоксальная ситуация. Как видим, хазары-христиане проживали на землях собственно Хазарии, на Нижней Волге и, возможно, частично в Дагестане, а на христианских территориях Хазарского каганата в первой половине X в. хазары-христиане так и не фиксируются. Относительно Крыма найдется объяснение. Так, А.И. Айбабин, опираясь на данные письма патриарха Фотия, которое было направлено в 873 г. архиепископу Боспора и содержало поддержку инициативы крестить местных евреев, высказал мнение, что уже тогда Крым не мог принадлежать хазарам [Айбабин 1999, 222].

Что же касается Таманского полуострова, то там ситуация сложилась более непонятная. Как уже было отмечено, во второй половине VIII в. была создана Доросская (Готская) митрополия, в которую вошло семь новых епископий, среди которых была Таматархская. Как известно, в IX в. она прекратила свое существование. Однако в Уставе Льва Мудрого (894–911) снова упоминается Таматархская кафедра в ранге архиепископии, которая получила статус независимой кафедры Константинопольского патриархата, т.е. кафедры, напрямую подчиненной патриарху. С занятием Таматархи Русью на рубеже X–XI вв. сведения о данной кафедре прекращаются [Макарий 1846, 96, 98]. Из этого следует, что Константинополь делал все возможное, чтобы распространить христианство на землях касогов (адыгов), где продолжали находиться и хазары. Однако христианизация так и не коснулась местных хазар.

После принятия хазарами иудаизма иудейское население на Таманском полуострове и на прилегающих землях должно было увеличиться в первую очередь за счет хазар-иудеев. По крайней мере, данные “Письма Иосифа” и “Кембриджского документа” свидетельствуют о постоянном нахождении хазар на Северо-Западном Кавказе вплоть до крушения Хазарского каганата во второй половине X в. Так, в Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа перечислены

хазарские крепости, находившиеся в западной части Хазарского каганата, включая восточное побережье Черного моря, где упомянута хазарская крепость “С-м-к-р-ц” (С-м-к-рай), в которой многие современные исследователи склонны видеть Тмутаракань – Таматарху – Матарху [Коковцов 1932, 102]. Весьма характерно, что крепость “С-м-к-рай” еще в середине X в. управлялась хазарской администрацией, во главе которой стоял “Булшци”, о чем свидетельствует анонимный автор документа Шехтера [Голб, Прицак 1997, 141]. Эта же крепость фигурирует в сочинении Ибн ал-Факиха “Книга стран” (X в.) под названием “Самкуш-еврейский”, в том фрагменте, где описывается маршрут из Черного моря в Каспийское [Гаркави 1870, 251; Калинина 1986, 75]. В связи с этим следует обратить внимание на замечание А.А. Тортики, согласно которому в данном случае «использование определения “еврейский” можно понимать и как осведомленность арабского автора об иудаизме хазар, и как сообщение о наличии значительной иудейской общины в этом городе в хазарское время» [Тортика 2006, 240]. Следовательно, в IX–X вв. в крепости “С-м-к-р-ц” на Таманском полуострове иудейское население было представлено как хазарами-иудеями, так и еврейскими купцами, которые в иудейский период истории Хазарского каганата слились в одну общину. По крайней мере, письменные источники не отделяли хазар от евреев в районе Таманского полуострова и нет ни одного указания на то, что часть местных хазар придерживалась христианства.

Создается впечатление, что правители Хазарского каганата не приветствовали переход хазар в другие монотеистические религии, кроме иудаизма, за пределами собственно Хазарии. Ситуация с хазарскими беженцами в г. Шамхоре является ярким подтверждением этого.

По данным Баладури и грузинских источников, в 854 г. (=240) арабский правитель Армии и Азербейджана, которого звали Буга, отстроил в Закавказье город Шамхор. Тем временем к пограничному Дербенту подошли хазары в количестве 300 семей и попросили Бугу взять их под опеку, так как они желали перейти в ислам. Буга же открыл Дербентский проход и поселил тех хазар в отстроенном Шамхоре,

который он назвал Мютаваккилие в честь правившего тогда халифа Мютаваккиля. Грузинский источник свидетельствует, что халиф Мютаваккиль, узнав, что его воевода тюрк Буга вступил в такие близкие отношения “с хазарами, своими земляками”, отозвал его с Кавказа назад в Багдад [Кримський, 282–286; Артамонов 1962, 329–330]. А.Е. Крымский прокомментировал данный пассаж следующим образом: “...ненормальний гнів голови правовірних, святенника-халіфа Мютаваккиля, проти свого губернатора, тюрка Буги – за таку, здавалося б, похвальну річ – що той привів до правої мусульманської віри ще нових adeptів, вимовно показує, що халіф боявся якихсь політичних ускладнень з Хазарщиною. Сучасник подій, халіф краще, ніж ми тепер, міг знати, що в хазарській усобиці 854 р. прихильники старого великотюркського нащадка, династичного тюрка-хакана, зазнали поразку і що перемогу здобув бег, начальник військових сил, якого дратувати не слід було” [Кримський, 289–290]. Однак хорошо известно, что на территории собственно Хазарии препятствий для распространения ислама среди этнических хазар не было. Достаточно вспомнить известия ал-Истахри [Заходер 1962, 164–165] или ал-Мас‘уди [Минорский 1963, 194].

Весьма примечательно, что в начале X в. хазарское правительство препятствовало распространению христианства в провинциях Хазарской империи не только среди хазар, но и среди других этнических групп. Это касается, прежде всего, территории северокавказской Алании, восточная часть которой буквально до середины X в. являлась составной частью Хазарского каганата. Относительно религиозной ситуации в Алании имеет смысл обратить внимание на следующее сообщение ал-Мас‘уди: “После 320 г. хиджры (932 г.) они (аланы) отреклись от христианства и изгнали епископов и священников, которых прислал им ранее византийский император” [Минорский 1962, 162–163]. Эта информация перекликается с фрагментом “Кембриджского документа” (документа Шехтера), где отмечено, что во времена правления хазарского царя Аарона правитель аланов воевал против хазар, потому что подстрекал его к этому византийский император. В результате Аарон заключил союз с вождем тюрков (огузов) и разбил аланов. Однако

Аарон обошелся милостиво с мятежным вассалом и оставил его у власти, а дочь аланского царя, по хазарской традиции, взял в гарем своему сыну Иосифу [Голб, Прицак 1997, 136, 141]. Как видим, после этой хазаро-византийской войны, активными участниками которой являлись северокавказские аланы, с территории Алании были высланы христианские священники, присланные до этих событий. Следует также обратить внимание на то, что за несколько лет до этого, во времена правления хазарского царя Вениамина, имела место еще одна хазаро-византийская война, где аланы выступили союзниками хазар [Голб, Прицак 1997, 136–137, 140–141]. Следовательно, отношения правителей Хазарии и Византии в начале X в. сильно ухудшились. Поэтому нет ничего удивительного в том, что хазары в христианских провинциях своей империи не проявляли симпатии к христианству. Однако это не помешало тому, что в первой половине X в. в центре Хазарского каганата христиане, среди которых были и этнические хазары, продолжали беспрепятственно исповедовать свою религию.

Таким образом, пример с распространением христианства в Хазарском каганате показывает, что известная веротерпимость хазар в X в. носила избирательный характер. А это означает, что для иудаизированной верхушки каганата религия стала средством политического давления, что в первую очередь основывалось на экономических интересах. Именно присутствие хазар в Итиле среди купцов-христиан из Византии давало хазарскому правительству возможность более удачно контролировать торговлю и, соответственно, иметь стабильный источник дохода. В то же время хазарское правительство не приветствовало переход хазар в христианство в христианских провинциях Хазарского каганата по той причине, что хазары являлись этносом-завоевателем. Здесь срабатывал давний принцип завоевателей, согласно которому контроль над завоеванными территориями лучше осуществлялся теми военными формированиями, которые значительно отличались от местного населения. В данном случае исповедание хазарами иудаизма и язычества было гарантией для удержания контроля над пограничными с христианской Византией территориями.

Следовательно, религиозная политика хазар отличалась прагматизмом и сбалансированностью.

Однако ситуация резко изменилась после событий 965 г., когда Русь и тюркигузы объединились и разгромили Хазарский каганат. Ибн Хаукаль сообщает о том, что разгромленные хазары сбежали из своей столицы Итиль и поселились на "острове Сия-Кух", в котором традиционно видят п-ов Мангышлак, подвластный правителям Хорезма. Мусульманские авторы Димашки, Ибн ал-Асир, Ибн Мискавейх и другие сообщают, что после крушения Хазарского каганата хазары вернулись на Нижнюю Волгу и оказались под протекторатом Хорезма, ибо одним из условий этого возвращения должен был стать переход хазар в ислам [Заходер 1962, 152–157]. О том, что в XII в. хазары-мусульмане продолжали проживать на Нижней Волге в г. Саксин, который возник, по распространенному мнению, на месте Итиля, свидетельствует мусульманский путешественник ал-Гарнати [Гарнати 1971, 27–30]. Очевидно, в ислам перешла в первую очередь иудаизированная элита хазар, что стало гарантией для их возвращения на берега Волги. Естественно, что не все бежавшие из Итиля хазары захотели стать мусульманами. Поэтому большой интерес может представлять их дальнейшая судьба.

В своем сочинении "История монгалов" католический миссионер Плато Карпини отметил довольно интересную ситуацию, касающуюся этнического состава христианского населения города Орнас, в котором исследователи склонны видеть столицу Хорезма – Ургенч. По словам западноевропейского путешественника, в начале XIII в. в городе Орнас "было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов". В данном случае вызывает некоторое недоумение то, что Плато Карпини отнес к христианам хазар, которых обычно считали иудеями, а также мусульманами и язычниками. Казалось бы, эта информация заставляет с определенной долей недоверия относиться к тексту "Истории монгалов" Плато Карпини [Карпини 1957, 46].

Однако С.П. Толстов высказался в пользу того, что сообщение Плато Карпини о хазарах-христианах в Хорезме заслуживает особого доверия. В качестве доказатель-

ства этого он привел сообщение ал-Бируни о том, что в начале XI в. в Хорезме проживали христиане, которые праздновали праздник "каландас". По наблюдениям исследователя, он находит прямые аналогии среди традиций православных (византийских) христиан. На основании этих данных С.П. Толстов сделал следующий вывод: "Национальный состав христианской колонии в Хорезме, в основном, по Карпини, хазаро-руско-аланский, открывает перед нами то же направление проникновения христианства в Хорезм, на которое указывает сравнительный анализ описанного ал-Бируни обряда" [Толстов 1946, 87–90]. В качестве второго аргумента в пользу распространения византийского христианства в Хорезме С.П. Толстов привел список нотаций Константинопольского патриархата, опубликованный в XIX в. де Боором, где фигурируют Хвалисская (Хорезмская) и Хотцирская (Хазарская) епархии. Это дало ему основания сделать следующий вывод: "Мы можем, таким образом, реконструировать общие контуры административно-географической структуры Доросской митрополии, в основном совпадающей с территорией Хазарской державы (что является главным основанием, как нам представляется, датировать основное содержание исследуемого документа временем расцвета Хазарии, т.е. не позднее начала X в., а вернее, в соответствии с де Боором, VIII в., и притом не позднее его середины, до окончательного торжества юдаизма в Хазарии и ислама в Хорезме). Крым (две кафедры), Тамань, Прикубанье, Дагестан, Нижнее Поволжье и Хорезм составляют в церковном отношении в эту эпоху единое целое" [Толстов 1946, 92]. Таким образом, если следовать логике исследователя, получается, что усилия Константинополя в VIII в. по распространению христианства в Хазарии и Хорезме не прошли даром и это положило начало проникновению византийского христианства не только в Хорезм, но и на территорию Хазарии. Однако мы видели, что в Хазарии эта миссия провалилась.

Несмотря на это, С.П. Толстов высказал, и не без оснований, мнение, что многие хазарские эмигранты после событий 965 г. остались на территории Хорезма. Доказательство этого он видит в сообщении Плато Карпини о хазарах-христианах в столице Хорезма – Орнасе (Ургенче), а также

связывает с хазарами происхождение туркменского племени Адаклы-Хызыр [Толстов 1946, 98]. Следовательно, среди оставшихся в Хорезме хазар были христиане.

Сообщение ал-Бируни о праздниках хорезмийских христиан может являться ярким подтверждением того, что в уже начале XI в. в Хорезме проживали христиане, имеющие отношение к византийской церкви. Однако в данном случае не ясно, подразумевал ли ал-Бируни под этими христианами самих хорезмийцев или он имел в виду хазарских переселенцев. Во всяком случае, сообщение Плано Карпини о том, что в хорезмийской столице Орнасе (Ургенче) “Саррацины имели... огромный рынок”, позволяет считать упомянутых христиан из числа “Хазар, Русских, Аланов и других” купцами в этом городе. И это закономерно, если исходить, например, из того, что хазары переселились сюда из своей столицы Итиль, которая являлась крупным торговым центром. К тому же упоминание хазар в одном списке с русскими и аланами может являться ярким подтверждением принадлежности их к византийской православной церкви, что вполне согласуется с данными других письменных источников. Таким образом, сообщение Плано Карпини о проживании хазар-христиан в столице Хорезма в начале XIII в. вполне заслуживает доверия.

В итоге следует отметить, что мнение о довольно широком распространении христианства среди этнических хазар является явным преувеличением. Это касается в первую очередь территории Дагестана, где, кроме хазар, проживали и другие этниче-

ские группы, из которых гуннов и жителей области Сарир ошибочно причисляли к хазарам. Поэтому известия о распространении христианства на этих территориях не следует связывать с начальными этапами христианизации хазар. Несмотря на это, имеются основания считать, что именно в Дагестане хазары впервые могли познакомиться с монофизитской версией христианства. Византийское же христианство начало распространяться среди хазар Крыма и Дагестана в конце VIII в., что было связано с созданием Готской митрополии, в составе которой находилось несколько новых епархий. Однако бурные события первой половины IX в. внутри Хазарского каганата, связанные с гражданской войной и экспансией венгров, прервали процесс христианизации хазар. В этом и следует видеть причину того, почему христианство в это время уступило свои позиции иудаизму. Лишь после миссии Константина в хазарскую столицу в 861 г. православное христианство начало распространяться среди местных хазар. В процессе распространения христианства среди хазар иудаизированная верхушка каганата придерживалась принципа прагматизма – не было препятствий для принятия этой религии среди хазар в центральных областях Хазарии, в то время как христианизация хазар на оккупированных христианских территориях не поощрялась. После событий 965 г., связанных с падением Хазарского каганата, хазары-христиане не остались на Нижней Волге, а поселились на землях Хорезма, что явилось следствием выдвинутых хорезмшахом условий.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград, 1962.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Время византийского, хазарского и русского влияния (с VI до нач. XI в.) // Известия государственной академии истории материальной культуры. Т. V. Москва, 1927.

Васильевский В.Г. Объяснения к тексту Жития Иоанна Готского // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. Петербург, 1912.

Васильевский В.Г. Житие Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. Петроград, 1915.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Санкт-Петербург, 1870.

- Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.)* / Публ. О.Г. Большаков, А.Л. Монгайт. Москва, 1971.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века.* Москва – Иерусалим, 1997.
- Житие Иоанна Готского* // Васильевский В.Г. Труды. Т. 2. Петербург, 1912.
- Житие Константина. Житие и деяния блаженного нашего учителя Константина Философа, первого наставника славянского племени* // <http://ru.pravoslavie.bg/?p=3427>
- Житие Стефана Сурожского* // Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. Петроград, 1915.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе.* Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. I. Москва, 1962.
- Иоанн Сабанисдзе. Мученичество Або Тбилели* // http://www.modernlib.ru/books/sabanisdze/iaopp/muchenichestvo_abo_tbileli/
- Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы в IX в.: по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха // *История СССР, 1986, № 4.*
- Кокорцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в.* Ленинград, 1932.
- Кримський А.Ю. Історія хазарів...* / Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. Ф. I. № 25500.
- Кулаковский Ю. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке* // *Журнал министерства народного просвещения, 1898 (февраль), СССХV.*
- Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата.* По материалам археологических исследований и письменным данным. Москва, 1983.
- Макарий, архимандрит. История христианства в России до Святого Владимира.* Санкт-Петербург, 1846.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв.* Москва, 1963.
- Мовсес Калакатуаци. История страны Алуанк* / Пер. Ш.В. Смбацяна. Ереван, 1984.
- Могарычев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма “хазарского периода”.* Симферополь, 2007.
- Могарычев Ю.М., Сазанов А.В., Степанов Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени.* Симферополь, 2009.
- ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания стран* / Пер. Н.А. Караулова // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XXXVIII. Тифлис, 1908.*
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.* Москва, 1990.
- Пигулевкая Н. Сирийские источники по истории народов СССР.* Москва – Ленинград, 1941.
- Толстов С.П. Новогодний праздник “Каландас” у хорезмийских христиан начала XI в.* // *Советская этнография, 1946, № 2.*
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы.* Харьков, 2006.
- Феофилакт Симокатта. История* / Пер. С.П. Кондратьева. Москва, 1957.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора.* Москва, 1980.
- Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах обращения их в иудаизм* // *МАИЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002.*
- De-Boor C. Nachtrdge zu dem Notitiae Episcopatum* // *Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. XII. Leipzig, 1891.*
- Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars.* 2 ed. New-York: Princeton Univer. Press, 1954.
- Pritsak O. The Khazar Kingdom conversion to Judaism* // *Harvard Ukrainian studies, 1978, vol. II, N 3.*
- Vernadsky G. Byzantium and Southern Russia* // *Byzantion. Vol. XV. Boston, 1941.*